

Глава 1. Забота о людях с ограниченными возможностями

— Глубокоуважаемые учителя, руководство школы! Я глубоко осознал всю серьезность совершенной мною ошибки... Обещаю, что решительно настроен не допускать подобного во второй раз! Я...

Текст покаянной объяснительной Лоу Чэна как раз приближался к самой патетической кульминации, когда полуприкрытая дверь кабинета директора внезапно распахнулась.

— Директор, я просмотрел личное дело этого переведенного ученика. Разве характер его проступков не слишком скверный? И его снова распределяют к нам, в четвертый класс... — Голос вошедшего мужчины средних лет был хриплым, напоминая надтреснутые кузнечные мехи.

В молодости учитель Доу работал на износ, из-за чего у него на связках образовались полипы. Позже он перенес операцию, и его голос стал таким: не просто хриплым, но и постоянно сопровождающимся kloчочущим кашлем, будто в горле застряла мокрота.

Войдя, он только тогда заметил стоящего в кабинете высокого юношу в баскетбольной майке, опирающегося на костыль.

Черное офисное кресло директора при этом пустовало.

— Ты что здесь делаешь? Где директор Чжоу? — Учитель Доу, прижимая к себе папку с личным делом, подошел к Лоу Чэну.

— А, заходил завуч, и директор вышел вместе с ним. Он велел мне зачитывать здесь объяснительную и сказал, что как закончу — могу идти, — Лоу Чэн небрежно подпирал подмышку костылем и отвечал с тем самым видом бесшабашного пренебрежения, который учителя ненавидят больше всего.

Черная майка слегка влажной тканью облепила его торс, на запястье красовался красный напульсник, а смуглая кожа рук поблескивала от пота. Этот вид человека, который явно только что активно тренировался, заставил учителя Доу нахмуриться. Его взгляд скользнул по обнаженной голени Лоу Чэна, по обмотанной бинтом лодыжке и, наконец, остановился на его невинном лице.

Лицо учителя посуровело:

— Где твоя школьная форма?

— В классе.

Лоу Чэн пришел в школу поиграть в мяч, но внезапно начал накрапывать мелкий дождь, к тому же спортзал оккупировали ребята из кружков, так что продолжать он не стал. Тогда он вспомнил, что неплохо бы зайти в кабинет директора и сдать «отработку».

С самого начала семестра он во что-то влип, и теперь каждую неделю был обязан приходить к директору и зачитывать покаянную записку.

Внезапно учитель Доу что-то почуял и подозрительно прищурился:

— Почему от тебя пахнет табаком?

— Пахнет? — выражение лица Лоу Чэна было предельно невинным.

Он только что закончил игру, ему было жарко, а в раздевалке стояла такая дымовая завеса вперемешку с запахом пота, что вонь там была несусветная. Поэтому он и бросил форму там.

Учитель Доу подозревал его в курении уже не первый день, но ни разу не ловил с поличным. Опираясь лишь на едва уловимый запах табака, он действительно не мог предъявить обвинение.

Он смерил Лоу Чэна взглядом:

— Ладно. Ты закончил читать? Если закончил — марш в класс. Сейчас я выдам тебе комплект заданий для ежемесячного экзамена, возьмешь с собой и прорешаешь. Завтра на уроке будем разбирать ошибки.

Лоу Чэн: «...»

Доу Чживэй взглянул на него:

— Не расслышал?

Лоу Чэн пожал плечами, коротко усмехнулся, подтвердив, что всё понял, и, прихрамывая, вышел из кабинета.

Как раз навстречу ему шел директор Чжоу. Лоу Чэн поздоровался с ним и вежливо доложил:

— Директор, я дочитал объяснительную.

Директор кивнул, отпуская его, и с улыбкой обратился к стоящему в дверях Лао* Доу:

— Учитель Доу, вы как раз вовремя.

[*«Лао» (老, lǎo) — уважительный префикс в китайском языке, означающий «старый» или «почтенный». Чаще всего используется в сочетании с односложной фамилией для выражения близости между знакомыми или друзьями или как уважительное обращение к людям старшего возраста.]

Прежде чем двое мужчин зашли в кабинет и закрыли дверь, Лоу Чэн, наострив уши, успел уловить обрывки разговора.

— Пришли насчет нового ученика? Я как раз собирался обсудить с вами его ситуацию, присаживайтесь...

Голоса стихли за закрытой дверью. Лоу Чэн, убедившись, что его больше не слышат, перестал хромать. Он отыграл роль до конца: отойдя на приличное расстояние, он подхватил костыль под мышку и припустил вперед так быстро, будто летел на крыльях.

В кабинете директора.

Директор Чжоу выдвинул ящик стола, достал несколько исписанных листов с тестами и пододвинул их учителю Доу.

— Это?.. — Учитель Доу перевернул лист с тестом по математике. Он только что проверил целую гору работ, поэтому ему не нужно было всматриваться, чтобы понять: перед ним идеальные ответы. Почерк был красивым и аккуратным, и при беглом осмотре казалось, что всё решено верно. Он не знал, чья это работа.

— Днем я дал ему тесты с прошлой недели. Он только перевелся, нужно было проверить его уровень. Три предмета: язык, математика и английский. По математике — полный балл, по английскому — 148, по китайскому — 139.

Говоря это, директор Чжоу расплылся в улыбке. Для учеников Шестой старшей школы такие результаты были одними из лучших.

— Эти тесты мы составляли сами, сложность выше средней. В тесте по языку были вопросы за пределами школьной программы, но у него очень живой ум. Он сидел здесь и спокойно справился со всеми тремя предметами чуть больше чем за три часа.

— За три часа?! — пораженно воскликнул учитель Доу.

Лоу Чэн спустился по лестнице. Дверь его класса была открыта, но внутри — ни души. Он не пошел в класс, а направился напрямик в мужской туалет на первом этаже.

Едва переступив порог, он почувствовал резкий запах дешевых сигарет.

Он ненавидел табак. Для него этот запах был невыносимой вонью.

Сегодня было воскресенье. В их Шестой школе по воскресеньям проводились дополнительные вечерние занятия с 18:50 до 21:00. Сейчас было всего три часа дня, в это время в кампусе обычно безлюдно — ученики редко приходят так рано.

Лоу Чэн заметил парня не в школьной форме. Тот стоял в самой дальней кабинке, опустив голову, и молча курил.

Мягкий, туманный дневной свет падал из окна. Парень стоял против света, его лицо было скрыто в клубах табачного дыма на фоне серого, затянутого паутиной матового окна. Его фигура казалась худощавой, а пальцы, сжимавшие сигарету, были белыми и длинными.

Лоу Чэн прислонил свой «реквизит» — костыль — к стене у раковины и подошел к писсуару. Курящий парень тоже заметил незваного гостя. Под шум льющейся воды он молча затушил сигарету, достал пачку бумажных платков, завернул в один из них окурки и выбросил в мусорное ведро.

Лоу Чэн с явным неудовольствием обернулся к источнику пассивного курения.

Первое, что бросилось ему в глаза — явные следы драки на лице незнакомца. Синяки и отеки багровыми и сизыми пятнами выделялись на его болезненно-бледной коже, словно грубые мазки мастихином на белоснежном холсте — резкие и бьющие по глазам. Даже большие очки в толстой круглой оправе не могли скрыть эти травмы.

Лоу Чэн подтянул шорты, и в его голове мгновенно возникла ассоциация: «Переведенный ученик».

Тот самый «скверный» субъект, о котором говорил учитель Доу, вероятно, и стоял перед ним. Судя по тяжести повреждений... м-да, и впрямь скверно.

Неудивительно, что Лао Доу в таком гневе пошел на допрос к директору.

Новенький даже не взглянул на него. Он открыл кран, вымыл руки, прополоскал рот и напоследок пшикнул чем-то в рот — видимо, освежителем, чтобы убрать запах дыма.

Такая отточенность движений еще больше убедила Лоу Чэна в том, что перед ним — невзрачный с виду, но «жесткий тип».

В этот момент в мужской туалет кто-то вошел, издав характерный кашель с мокротой.

— Лоу Чэн! — строго окликнул вошедший.

Лоу Чэн обернулся и увидел, как Лао Доу подозрительно принохивается во все стороны.

Запах дыма еще не выветрился. Лао Доу в упор смотрел на Лоу Чэна с таким видом, будто был полностью уверен в его вине, но досадовал, что не может поймать за руку.

— Это ты?

Лоу Чэн ответил, что нет.

Лао Доу холодно хмыкнул:

— Неважно, ты или нет, завтра принесешь объяснительную на 800 иероглифов!

Огромный «котел» обвинений свалился на него прямо с неба! Лоу Чэн помрачнел:

— Я не курю, сколько раз повторять?

Он вывернул карманы шорт, желая доказать свою невиновность, но не ожидал, что оттуда градом посыплется деньги и вывалится зажигалка.

Глаза Лао Доу внезапно вспыхнули — такое везение, и без лишних усилий! Он торжествующе усмехнулся:

— Ну что, Лоу Чэн! Пойман с поличным, что ты теперь скажешь?

Лоу Чэн не ожидал такого поворота, и оправдываться стало еще труднее. Поджав губы, он выдавил:

— Зажигалку купил, чтобы спирали от комаров поджигать.

— От комаров, значит, — ехидно протянул Лао Доу. — В мой кабинет. Живо.

Учитель Доу был одним из самых суровых надзирателей на экзаменах в этой школе. Каждый раз в аудиториях, где он дежурил, обязательно ловили учеников со шпаргалками. Его вместе с тремя другими учителями называли «Четырмя великими ловчими». Он ловил не только учеников на списывании, но и влюбленные парочки, и курильщиков. Даже те, кто не учился в его классе, были наслышаны о его «подвигах» и скрежетали зубами при одном упоминании его имени.

Разумеется, Лоу Чэн не собирался брать на себя вину этого новенького.

Переведенный ученик еще не ушел, он стоял у раковины, но по-прежнему хранил молчание.

Он просто отстраненно наблюдал за этим фарсом «поимки с поличным», и на его лице не было ни тени вины или смущения.

Это разозлило Лоу Чэна еще сильнее. Его улыбка окончательно погасла:

— Если я курил, то должны быть сигареты, верно? Что доказывает зажигалка? Где сигареты? — Он потряс своими совершенно пустыми карманами. — Где улики?

— Улики! Запах — вот главная улика! Здесь стоит такой тяжелый дух, и кроме тебя никого нет. Кто это, если не ты?

Лоу Чэн чуть не рассмеялся от злости. Он скрестил руки на груди:

— Учитель Доу, позвольте напомнить: здесь три живых человека.

Ему было ниже своего достоинства тыкать пальцем в другого, чтобы «очиститься», но в его словах сквозил намек: «чистому оправдания не нужны».

Лао Доу, конечно, заметил, что здесь есть кто-то еще. Но после разговора с директором он проникся к этому ученику глубоким сочувствием и жалостью. Это был «хороший ребенок», поэтому у него и в мыслях не возникло подозревать Дин Сюэжуня.

Но раз уж Лоу Чэн так сказал, учитель Доу повернулся и мягко спросил Дин Сюэжуня:

— Ты видел, кто курил?

Дин Сюэжунь на мгновение заколебался. Сначала он покачал головой, но затем кивнул:

— Кажется, это был не этот одноклассник. Только что заходил какой-то учитель-мужчина, кажется, он курил... Вы... ошиблись насчет него.

Лао Доу смерил его долгим взглядом, затем снова посмотрел на Лоу Чэна.

В одном из кабинетов на первом этаже действительно работал учитель — заядлый курильщик, который не расставался с сигаретой, куда бы ни шел. Сегодня он как раз пришел пораньше проверять тесты. Лао Доу естественным образом предположил, что это был он.

Неужели он и впрямь зря обвинил Лоу Чэна?

В итоге он не стал продолжать спор:

— Значит так, Лоу Чэн, — скомандовал учитель Доу. — Сейчас идешь со мной в кабинет за тестами, а потом проводишь нового одноклассника в мужское общежитие. Он только что перевелся в Шестую школу, помоги ему освоиться в кампусе.

Лоу Чэн, опирающийся на костыль: «???»

Учитель Доу с легкостью навесил на него это задание и, не дав возможности отказаться, развернулся и ушел.

Лоу Чэн в унынии поплелся следом в кабинет. Он забрал у Лао Доу несколько белоснежных листов с ежемесячными тестами и теперь крутил их в руках, слушая, как учитель благодушным тоном наставляет новенького:

— Четвертый класс — это профильный класс. Каждую неделю у нас небольшая проверочная, раз в месяц — большой экзамен. После каждой четверти и полугодия мы подводим итоги по вашей текущей успеваемости и результатам олимпиад, после чего состав классов может быть пересмотрен.

— У учеников из параллельных классов есть шанс попасть в наш профильный. И наоборот — если успеваемость ученика резко упадет, он может вылететь в параллельный.

— В Шестой школе очень высокая конкуренция.

— Результаты каждого экзамена имеют свой вес, так что ни в коем случае нельзя расслабляться сейчас, во втором классе старшей школы. Опоздания и прогулы недопустимы, — он сделал паузу для внушения, — а драки и потасовки — тем более. В лучшем случае получишь строгий выговор в личное дело, в худшем — исключение. Твоя ситуация...

— Ты умный мальчик. Учись прилежно, и ты обязательно станешь гордостью школы, — он похлопал Дин Сюэжуня по плечу, и его тон был донельзя ласковым.

Эту улыбку Лоу Чэн знал слишком хорошо. Лао Доу улыбался так только своим любимчикам.

Лоу Чэн лениво стоял, подпирая костыль, и вспоминал, как в первом классе старшей школы Лао Доу тоже уделял ему особое внимание и часто повторял: «Ты такой способный, почему не хочешь учиться? Если бы ты взялся за голову, ты бы точно смог...»

Он повернул голову и посмотрел на избитого до неузнаваемости новенького.

Тот выглядел спокойным и послушным. Каждое слово учителя он сопровождал тихим: «Угу», «Хорошо, учитель Доу», «Я понял, учитель Доу». Его голос был негромким — такой голос от природы создает впечатление покладистости и рассудительности.

Лоу Чэну было смертельно скучно слушать «проповеди» охрипшего учителя, поэтому он просто вертел в руках тесты, лениво разглядывая соседа сверху вниз.

Травмы у новенького были не только на лице. Его руки тоже пострадали: костяшки пальцев были покрыты кровавыми корками и синяками. На белоснежной шее переплетались голубоватые венки и несколько темно-красных царапин.

Такая белизна кожи напомнила Лоу Чэну его дальнюю кузину-альбиноса: кожа почти прозрачная, настолько белая, что сквозь нее отчетливо видны сосуды. К тому же его волосы были довольно светлыми — золотисто-каштанового оттенка, и на вид казались очень мягкими.

Если бы не эти раны на лице, эта аура мягкости и безобидности делала бы его похожим на идеального отличника.

А еще новенький был очень худым. С первого взгляда было ясно, что он как минимум на голову ниже него — впрочем, с ростом 188 сантиметров Лоу Чэн в Шестой школе возвышался над всеми, словно журавль среди кур.

Учитель Доу не стал затягивать беседу и напоследок бросил Лоу Чэну:

— В пять часов можно будет пополнить школьные карты. Лоу Чэн, отведи нового товарища оформить карту для столовой и покажи ему школу.

Лоу Чэн вяло буркнул в ответ что-то утвердительное. Новый одноклассник повернулся к нему и произнес:

— Тогда побеспокою тебя, одноклассник.

Лоу Чэн, который только что «получил по шапке» из-за него, пренебрежительно отвернулся:

— Не за что.

Едва они вышли из кабинета, как тут же отступили друг от друга на несколько шагов.

Лоу Чэн уставился на него и, криво усмехнувшись, склонил голову, понизив голос до шепота:

— А ты неплохо умеешь притворяться.

У него был низкий, глубокий голос, который, когда он специально его приглушал, словно щекотал само сердце.

Когда Лоу Чэн подошел ближе, он почувствовал слабый аромат клубники — запах освежителя для рта. И, что странно, он больше не чувствовал запаха табака.

Дин Сюэжунь, не меняясь в лице, посмотрел на него:

— Спасибо за то, что было только что.

Лоу Чэн хмыкнул, его лицо немного просветлело, но у него по-прежнему не было ни малейшего желания таскать его по кампусу. Он уже собирался уйти, но обнаружил, что слепой дождь, который вроде бы стих, припустил с новой силой.

Солнце всё еще ярко светило, но дождь мерно шумел, и в воздухе разлился влажный аромат свежей травы.

Лоу Чэн нахмурился, глядя на внезапный ливень. Он заметил, что новенький зашел в класс. Спустя некоторое время, видя, что дождь и не думает прекращаться (пусть он и не был сильным, промокнуть до нитки Лоу Чэну не хотелось), он тоже решил вернуться в класс.

Только вот... Лоу Чэн замер в дверях. Он увидел, что место нового одноклассника находится прямо за его спиной.

Лоу Чэн всегда сидел один: из-за высокого роста его место было на последней парте. Он был тем самым «лишним» нечетным учеником в классе. Вероятно, учителя боялись, что он будет плохо влиять на других, поэтому и не сажали к нему никого под бок.

Место новенького было прямо за ним, у двери на балкон.

Лоу Чэн не стал заходить внутрь, а просто прислонился к дверному косяку, скрестив свои длинные ноги. Он увидел, как новенький достал зонт и, накинув рюкзак, направился к нему.

Поравнявшись с ним, переведенный ученик на мгновение остановился и положил зонт на парту в первом ряду. Лоу Чэн опешил. Затем парень, не проронив ни слова, прошел мимо него. На его лице не отражалось ровным счетом ничего — холодная отстраненность и полное нежелание сближаться.

Лоу Чэн глянул на зонт на столе, потом на новенького. Он только хотел спросить, как тот

собирается идти сам, как увидел, что тот достал из бокового кармана рюкзака еще один легкий складной зонтик в пять сложенных.

Он раскрыл его перед стеной дождя и, не оборачиваясь, спустился по ступеням.

Красивый раскрытый зонт равнодушно удалялся. Лоу Чэн, потирая подбородок, какое-то время смотрел ему в спину, думая: «Что за человек берет с собой два зонта? Неужели специально, чтобы одолжить кому-то?»

Бывают же такие люди.

Лоу Чэн почувствовал, что настроение у него улучшилось. Зажав костыль под мышкой, он раскрыл зонт и шагнул под дождь. Подняв голову, он заметил на ткани выцветший логотип в виде красного сердца. На сердце была изображена белая ладонь, а под ней — строчка черных иероглифов.

Из любопытства он присмотрелся. Когда Лоу Чэн разобрал содержание надписи, улыбка медленно сползла с его лица.

«Забота о людях с ограниченными возможностями — тепло нашего города».

—

<http://bllate.org/book/17061/1588424>